Культура.— 1992.— 9 мая.— С.11

Михаил Барышников:

Есть еще открытые раны...

После репетиции он выходит на улицу, садится в такси и едет в свою нью-йоркскую квартиру. В огромной гостиной — опять подмостки для занятий, изготовленные из старинных досок. На внушительной софе — высокие горы мягких подушек. На стене — большая картина русского художника. В центре — обеденный стол на двадцать персон.

Всемирно известный блестящий танцовщик, к которому друзья и знакомые обращаются запросто — Миша,— сейчас работает с новой балетной труппой современного танца Уайт Оук Данс проджект. Материал, напечатанный в английской газете «Дейли мейл», мы предлагаем его читателю с небольшими сокращениями, приурочен к дебюту Михаила Барышникова в качестве руководителя молодежной труппы современного балета, которую он сам и финансирует. Недавно в лондонском театре «Сэдлерс Уэллс» состоялась премьера спектакля этого нового коллектива.

Восемнадцать лет. Да, восемнадцать лет прошло с того дня, как он отказался от своей прошлой жизни, покинул страну, родных, «Кировский», петербургскую квартиру, заваленную бесценным антикварианом. Однажды вечером, в самый разгар балетного сезона, Михаил Барышников блестяще оттанцевал свою программу — его пригласили в качестве «звезды» на гастроли с Большим в Канаду,— а потом спокойно, без суеты, скрылся от «сопровождающего», которого знал только в лицо. Началась совершенно новая жизнь.

— Никогда не хотел уезжать из России,— рассказывает он.— Это было отчаяние от невозможности свободно дышать. И вот внезапное решение, принятое за один день. Это было время, когда я почти не выходил из депрессии. Возвращаться в Россию? К тем людям, которые меня окружали? Идти теми же самыми путями, предопределенными изначально? Нет, я не стал любить Родину меньше. Я просто хотел самостоятельно управлять своей судьбой. Это пугáло: я не знал правил игры. Я не знал языка. Я не знал Соединенных Штатов. Вряд ли это был подвиг с моей стороны. Просто жизненная необходимость. В Нью-Йорке ты принадлежишь самому себе. Это именно то, что мне было нужно. Мне было за двадцать. Цеплялся за одну мысль: «Разве я не мужчина? Разве не смогу сделать этот шаг?» В начале новой жизни инстинкт самосохранения делал меня агрессивным. Только преодолев это, я начал сближаться с людьми, с которыми хотел работать...

По-английски он говорит довольно свободно, хотя и не избавился от некоторых милых русских штампов. В начале пути ему много помогала очаровательная и состоятельная Кристина Берлин. Что-то между ними произошло: либо ее поддержка перестала быть нужной Барышникову, либо его оттолкнуло замкнутое пространство ее любовных уз. Он отвернулся от Кристины.

Новые любовные страницы его жизни открывались и закрывались примерно по тому же образцу.

Одна из его партнерш, Джелси Киркланд, сделала открытие. Он может быть удивительно нежным. Но и холодным, как лед, безжалостным, одержимым только собственной персоной. Он может быть простодушным парнем. И в то же время — самовлюбленной «звездой». Малейший намек на власть над собой, и он жестко давал понять: в его жизни были и будут красивые женщины. «То, что для него было эпизодом, для меня стало душевной катастрофой»,— вспоминает Джелси.

Он почти всегда первым обрывал любовные связи. Когда все же отталкивали его, а это бывало крайне редко, он долго не прощал. С Джессикой Ланж его связывала любовь к их дочке Александре, которой сейчас одиннадцать лет. Но когда знаменитая актриса заявила, что хочет уйти к актеру Сэму Шепарду, он надолго вычеркнул ее из своей жизни.

Очевидно, в его юности был эпизод, когда ему нанесли жестокую рану. Считают, после того случая он так и не оправился. Когда ему было одиннадцать, мать покончила с собой. Тридцать лет спустя, вспоминая о ней, он все еще чувствует боль. Он говорит, что никогда не плачет. Но при этом глаза его подозрительно блестят. Непролитые слезы? Дочь назвал в честь матери и утверждает: девочка, как две капли воды, похожа на свою русскую бабушку.

— У меня было странное детство,— вспоминает он.— Рано потерял мать. Она была высокой блондинкой с открытым лицом и большими серыми глазами. Совершенно необразованная женщина из простой крестьянской семьи. Пару лет работала служащей в ателье. Простая домохозяйка, но какая тяга к театру, культуре, танцу! Она была замечательным, необыкновенным человеком.

Мать очень гордилась, когда в десять лет меня приняли в профессиональную школу. Через год она ушла. Свой домашний очаг я обрел в театре, и это смягчило боль утраты. Плакать было бесполезно, я смирился. В детстве узнаешь, что люди смертны, но постоянно думаешь: разве это может случиться с моей матерью?

Веру в Бога мне не внушали, но я — крещеный. Мать и бабушка были верующими. Дело в том, что у отца был высокий военный чин. Я знал, мать тайком ходила в церковь. Сейчас не молюсь, просто прошу помощи свыше, когда нуждаюсь в ней. Когда мне плохо, говорю: «Кем бы и чем бы Ты ни был, помоги!»

Когда я уехал из России, у отца были большие осложнения с КГБ. Думаю, они унижали его, обвиняли в том, что сын его — предатель, который поставил себя вне общества. Для отца это могло быть тяжелейшим обвинением. После отъезда я почти не поддерживал с ним связь. Потом получил извещение, что он умер. С отцом никогда не был в близких отношениях. У военных — странная, бесплодная карьера. Хотя, может быть, я сужу его слишком строго. Сейчас я не поддерживаю никаких контактов и с мачехой. А вообще однажды я хотел бы вернуться, чтобы увидеть близких мне людей, чтобы показать моим детям любимый город — Петербург...

Своего двухлетнего сына от бывшей балерины Лайзы Райнхарт он назвал в честь основателя своего любимого города — Петром. Вообще сейчас Барышников живет в своей нью-йоркской квартире лишь временно, на период репетиций с труппой современного танца. Но у него есть еще и большой дом в сорока минутах езды от города на берегу Гудзона. А еще один — на острове Сейнт-Бартс неподалеку от дома Нуриева.

— Сейчас все чаще я живу за городом,— рассказывает Барышников.— У нас много животных, кошек, птиц. Мы с Лайзой не женаты, но это не волнует ни меня, ни ее. К концу мая ждем второго ребенка. Часто вижу дочь Александру. Она учится танцевать, играет в молодежном оркестре, любит ездить верхом. Она великая наездница.

Но все же дети не должны полностью управлять вашей судьбой, а вы не должны мешать им жить. Все, чем они хотят заниматься,— их личное дело. Если хотят танцевать — пусть пройдут через всю эту рутину, пусть пострадают. Артисту балета требуется исключительный внутренний стимул. Как в случае со мной, когда у меня не было альтернативы. При этом условии сцена избавляется от ненужных драм и трагедий...

В свои сорок четыре он выглядит необыкновенно молодо. Повстречай его на улице в кожаной куртке, джинсах и кепке с козырьком, примешь за студента. Когда он в работе, воздух в репетиционном зале звенит от напряжения и степени его концентрации. Отдыхая, он садится на пол по-турецки, скрестив босые ноги. А потом вдруг вскакивает и начинает прыгать и плясать, как маленький проказник. Потом, чувственно обнимая темноволосую танцовщицу, делает вид, что снимает брюки. Украдкой машет на прощание другой красавице, когда та уходит.

При этом легко уловить силу его очарования, инстинктивное умение давать женщине понять, что лишь она — никто другой — понимает его. Но ясно и другое. Нет ничего опаснее привлекательного мужчины, который использует это свое «слабое» место в качестве ловушки. Он соблазняет, потом разбивает ваше сердце. За его одиноким и потерянным взглядом — лишь постоянный интерес к самому себе. Лайза Райнхарт давно поняла: сохранить его возле себя можно лишь на условиях, которые ставит только он. Это непросто, но другого не дано. «Мы понимаем друг друга»,— говорит Барышников, что, по всей видимости, означает одно: она ничего от него не требует.

— Я знаю Лайзу семнадцать лет. Она вышла на сцену в кордебалете, когда ей было шестнадцать. Сейчас она окончила Нью-Йоркский университет, учит детей. Люди говорят, что меня боятся, и я знаю — это правда. Я человек настроения, впадаю в депрессии — порой не хочу никого видеть. Часто — и себя самого. Время слишком дорого, чтобы общаться с людьми, к которым не лежит душа.

Наверное, я слишком груб. В общении я могу быть и не очень приятным, но это единственный способ оберегать свое «прайвеси». Люди при этом не так стремятся войти с тобой в контакт, и меня это лично устраивает. Я и так большую часть времени нахожусь в разладе с собой. Когда начинаешь строить новые планы, обо всем другом забываешь начисто. Чувствую, что многим со мной неудобно. Мне очень нужно одиночество, но все равно, люблю быть с людьми, к которым неравнодушен. Петр и Александра уже знают несколько русских слов, хотя их матери не говорят по-русски...

Сейчас с Джессикой Ланж они помирились, и печальный период, когда он не мог видеться с дочерью,— позади.

— В первые несколько лет жизни Александры я многим жертвовал,— вспоминает Михаил.— Мы с Джессикой прошли через трудное время. Многое осознав, поняли, что никогда нельзя пренебрегать интересами дочери.

Самое страшное — выходить на сцену. Перед спектаклем нервы в ужасном состоянии. Даже сейчас, когда вспоминаю об этом моменте, чувствую, как мне страшно. Никогда не работал так много, как теперь, даже когда танцевал с классической труппой. В этой группе современного балета все люди мне очень близки. Мы равны. Мы, как можем, помогаем друг другу. Кнут никому не нужен. Мы все хорошо понимаем, зачем сюда собрались.

Однажды он сказал: влюбленность в свою партнершу отнюдь не мешает успеху спектакля. Скорее наоборот. До сих пор, кажется, он не переменил своего мнения.

— Некоторые роли заполоняют твою жизнь, становишься, как одержимый,— говорит он.— Превращаешься в раба своей роли. К концу сезона чувствуешь себя полностью истощенным. Тело просит: «Дай мне отдыха», а мозг все еще работает, придумывая себе новые приключения.

После спектакля я не против кружки пива, хорошего ужина, бутылки вина. Я не пьяница, но алкоголь люблю. Может быть, я не русский патриот, но я не живу каждый день мыслями о России, хотя говорю по-русски, читаю русскую литературу.

Время лечит многое, но в моей жизни есть еще открытые раны...

Подготовил
С. ТОЛКАЧЕВ.